

Богатырёв А.А. Варианты передачи изобразительного начала в переводном тексте (этюды)// Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2009. Т. 29. № 4. С. 30-37.
<http://elibrary.ru/item.asp?id=13043073>

ЖУРНАЛ:

ВЕСТНИК ТВЕРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ

Издательство: Тверской государственный университет (Тверь)

ISSN: 1994-3725

Bogatyrioff Andrey Anatolievich
The case of a 'sickening heart' in Poe's Russian translations

The article provides an outline of typical cases set, concerning elaboration of referential dimension in belles-lettres translation. Insofar as descriptive and expressive aspects of the message interact congruently in the source text, the formula for balancing both in translation depends largely on the chosen hermeneutic interpretant.

Key-words:
Interpretant,
Lacunology,
Melancholy,
Obscurity versus transparency in text reception and translation

В статье дается обзор типичных случаев, относящихся к выработке референциального измерения в переводе художественной литературы. Насколько изобразительный и выразительный аспекты идеи конгруэнтно взаимодействуют в исходном тексте, настолько формула балансирования их в переводе зависит от избираемой герменевтической интерпретанты.

Ключевые слова
интерпретанта,
лакунология,
меланхолия,
темное место в тексте,
теория мета- и метамета- смыслов,
теория смыслового интервала,
переводы Эдгара Поэ.

А.А. Богатырёв (г. Тверь)
ВАРИАНТЫ ПЕРЕДАЧИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО НАЧАЛА В
ПЕРЕВОДНОМ ТЕКСТЕ
(этюд)

«Литература и искусство превратили тревогу в один из главных элементов своих произведений, причем это проявляется как на уровне содержания, так и на уровне стиля» (Пауль Тиллих).

1. Настоящая статья посвящена разработке *элементарной* типологии *герменевтически релевантных* способов представления референта в переводном беллетристическом тексте. Текст повествования рассматривается нами как опредмеченная риторико-герменевтическая программа смыслопостроения. Сутью такой, риторико-герменевтической программы является оптимизация средствами текстовой организации читательской деятельности по освоению содержательности текста (в том числе его содержания и смыслов в их существенных связях и аспектах взаимодействия). Как известно, переводческие практики порождают тексты, представляющие в одной, принимающей лингвокультуре за тексты иной, исходной лингвокультуры. В этой связи возникает вопрос о полноценном воспроизведении в переводе риторико-герменевтической программы исходного текста, а также о критериях оценки переводных текстов.

В качестве предметного образца исследования выступает фрагмент зачина новеллы Эдгара Алана Поэ ‘The Fall of the House of Usher’ (1839). В центре рассмотрения – фраза, посвященная описанию духовно-душевного состояния повествователя (см. п. 02).

В плане исследования переводов «прозаических» сочинений Э.А. Поэ на русский язык в России и СССР (и в частности – избранного текста) «история вопроса» незатейлива. Переводы делятся на «до Бальмонта», К.Д. Бальмонта (получивший (а) лапидарную дружественную оценку Александра Блока, в том смысле, что «поэтов должны переводить поэты», и (б) упорное молчание Корнейчука) и «современные» (Норы Галь и представителя ее переводческой школы – Валерия Рогова). Поскольку данная «китайская систематика» не предоставляет должного простора для мысли *филологической*, мы в данном случае полагаем за благо не принимать во внимание антипатии одних и симпатии других, а также оставляем попытки узнать что-либо большее про *качество* переводов из книги Дж. Гроссман «Эдгар По в России» (1998).

Ранее (Богатырёв 1993, 1994, 2001, 2004 etc.) основной акцент в критике переводческих практик ставился нами на некотором экспрессивном начале (семантический повтор, художественная идея, символика текста, балансирование высказывания на грани выразимого). На этот раз нас занимает вопрос о способе данности «изобразительного» начала в исходном повествовании и попытка разработки систематического представления о путях его трансляции (а также пропорционального искажения, или *дисторсии*) в переводе. Деятельностное пространство переводческих практик позволяет высветить *многообразие способов представления* контуров коммуницируемой в тексте ситуации путем контрастивного сопоставления текстовых сегментов, восходящих к одному первоисточнику.

2. Изобразительный план повествования рассматривается ниже как особая плоскость переводческих действий и операций, ортогонально расположенная относительно плоскости экспрессивного плана. Разумеется, можно утверждать о взаимосвязи и взаимодействии указанных плоскостей приложения переводческих усилий в свете переводческой деятельности, как в целом, так и в частных ее аспектах. Тем не менее, уже до рассмотрения вопросов вариативного синтеза (обычно связанного с «*эффектом взаимного освещения*») полезно иметь ясное представление о перечне и свойствах потенциально сочетаемых элементов текстовой содержательности.

Элементы изобразительного плана текста трактуются ниже как квалифицируемые на пересечении двух осей – ординат и абсцисс. Первая из них содержит строки, отвечающие за референционную функцию высказывания (в терминосистеме Романа Якобсона – референтивную) в плане означаемого.

Предметная отнесенность высказывания теряет прозрачность (случай 11) в условиях растущей вариативности выбора в условиях конкуренции нескольких известных означаемых предметов (шаг 2, случаи 12, 22, 32, 42), а также в условиях коммуницирования неизвестного/экзотического предмета, лакуны (шаг 3). Последний предмет в свою очередь может быть ошибочно отождествлен с другим, известным предметом (случай 33), либо определен в терминах иного известного предмета (случай 23), либо охарактеризован как самостоятельная сущность в терминах наличного опыта реципиента (случай 13) в зависимости от манеры изложения (фиксируемой по оси абсцисс).

Таблица 1. Типология передачи референта в переводном тексте

новый неизвестный предмет	13. заполнение лакуны (определение содержания, объема и места нового/ экзотического понятия в системе понятий реципиента текста (Марковина, Сорокин 2008: 89-96)	23. (а) гиперонимная субституция; (б) частичная компенсация некоторой лакуны (Марковина, Сорокин 2008: 40-73), связанная с некоторым перераспределением набора сем	33. фатальная подмена понятий	43. нонсенс, нечто невразумительное, непроницаемое (англ. opaque) влекущее за собой герменевтический коллапс
предмет(ы) известен(сны), локация неизвестна (не определено место предмета в иерархии текстовых смыслов, референциальный фокус)	12. экспликация подразумеваемого или способа символизации (экспликативный перевод)	22. каламбур/экивок/ эквивокация или интра-(интер)-онтологический интервал (игровая импликационная тенденция в переводе)	32. ошибка переводчика в выборе субституента (демократия – не народовластие; дискурс – не текст и не высказывание)	42. герметичный (off-topic) пассаж в тексте, клякса
предмет известен	11. прямая номинация	21. намек/ эвфемизм/ дисфемизм	31. оговорка	41. эллипс
характер предмета повествования по оси ординат и манера изложения по оси абсцисс	ясная и точная	неясная, расплывчатая, но не упускающая из виду референт	Ясная, но не точная	представленная нулевыми или непроницаемыми для интерпретации сегментами

Типология манеры изложения (характера номинации референта) строится по двум нетождественным основаниям – ясности и точности. Например, переводы фамилии биографа Шерлока Холмса «доктор Ватсон» и «доктор Уотсон» ясны, вняты русскому читателю, хотя и не совсем фонетически точны. Напротив, довольно точное именование философа Стагиритом не каждому из студентов, сдавших зачет по философии, позволяет узнать ученика Платона и учителя Александра Великого. Четыре варианта комбинаций (не)ясного с (не)точным представляются предсказуемыми. Конкретные характеристики текстовых явлений внутри клеток (*случаев, англ. cases*), образуемых на пересечении строк по шкале ординат со столбцами по оси абсцисс занесены в таблицу.

Некоторые заслуженные нарекания может вызвать столбец (41-42-43), поскольку сегментный нуль означающего и сегментный

отрезок текста «не по теме» (off-topic) формально должны быть отнесены к различным столбцам.

3. Исходный текст

В оригинальном текстовом (и языковом) представлении траектория фиксации читательской рефлексии прослеживается в большом герменевтическом («синдромном») круге меланхолии – от болезненного ощущения (а) к неприятному переживанию (b) и мучительному душевному состоянию (с), и далее к характеристике ангажированного душевным состоянием («беспросветно») мрачного умонастроения (d) и суженного обостренного мировосприятия (е).

“(a) There was an iciness, (b) a sinking, (c) a sickening of the heart – (d) an unredeemed dreariness of thought which (e) no goading of the imagination could torture into aught of the sublime”. (1839).

4. Существующие варианты перевода на русский язык

(1) «Ледяной холод, безотчетное безпокойство и *уныніе*¹ охватили мое сердце, а безграничный *ужасъ* безъ всякаго проблеска чувства возвышеннаго овладѣл моим разсудком». (Гибель дома Ушеръ. По изданию 1913г. Автор перевода не установлен).

(2) «То была леденящая, ноющая, *сосущая* (23) боль сердца, безотрадная *пустота в мыслях* (42); и воображение тщетно силилось настроить душу на более возвышенный лад (12). (Падение дома Эшеров. Перевод Михаила Энгельгардта, По 2008: 88).

(3) «Сердце замерло, упало, сжалось холодною болью — и фантазія, безсильная освѣтитъ *мысль*, не могла обратить ни къ чему возвышенному непобѣдимую *печаль*». (Падение Дома Эшеръ. Перевод К.Д. Бальмонта).

(4) «Сердце мое наполнил леденящий холод, томила тоска, *мысль цепенела*, и напрасно воображение пыталось ее подхлестнуть – она бессильна была настроиться на лад более возвышенный». (Падение дома Ашеров. Перевод Норы Галь).

(5) «Сердце леденело, замирало, ныло – *ум безысходно цепенел* (32), и никакие потуги воображения не могли внушить ему что-либо возвышенное». (Падение дома Ашеров. Перевод Валерия Рогова).

5. В нашу задачу в данном случае *не* входит целостное сопоставление переводов *между собой* (кстати, наблюдения над текстом и опрос мнения студентов показали поразительно тесное совмещение в одном переводе, М. Энгельгардта,

¹ Выделение курсивом и цифровые индексы в скобках – автора статьи. А.Б.

взаимоисключающих способов переработки данных исходного текста). Они необходимы нам в первую очередь для характеристики преобразований в трактовке *референциального плана* исходного высказывания (в тексте Эдгара Поэ).

Проблемой в таком случае является *вопрос о черте*, отделяющей переводческую вариацию оригинального семантического инварианта от переводческой вариации иного, чуждого исходному тексту *семантического инварианта*.

Положим, в английском оригинале речь идет не о сердце как главной мышце тела, а о душе (фиктивному персонажу тяжело, тревожно, неуютно, *муторно* на душе). Эмоциональное начало души ассоциировано с органом – сердцем. «Семантический дрейф» лексемы «сердце» рельефно обозначен в английском тексте по стреле прочтения за счет нарастания фигуративной сочетаемости (b) – (c). При этом предполагаемое отклонение всё же не носит критического характера с точки зрения английской лингвокультуры (случай 22). В русском языке эквивалентом английского понятия *heart* в большинстве случаев выступает *душа* (см. например, словарь Христианство 2001). Таким образом, следовало бы заключить о допустимой вариативности лексем в пределах одного семантического инварианта (тогда как на практике все пять переводчиков твердо следуют *Букве*² исходного текста Поэ,

Напротив, в переводе экспликация дисфемичной фразы ‘a sickening of the heart’ посредством формально³ синонимичного, но сравнительно вялого концепта «уныніе»⁴ или безликой/дистанцирующей фразы «сердце мое томила тоска» (случай 32) выводит предикацию “There was a sickening of the heart” из области «*смыслов-к-переживанию*» в область «*смыслов-к-сведению*». Впрочем, в последнем случае мы уже руководствуемся (ранее не оговоренными здесь) критериями из плоскости типологии экспрессивного начала в текстопостроении.

В референционном плане также обращают на себя внимание *подмены* (случай 32) мрачного умонастроения (d)⁵ «ужасом» (в издании 1913г., между тем как ужас в отличие от тревоги посещает человека *ex post facto* – А.Б.) и неким (*о*)*цепенением* не то мысли, не то ума (переводы Н. Галь и В. Рогова). И хотя нам соблазнительно

² что, Впрочем, не позволило студентам-лингвистам (располагавшим приведенными переводами) придти к заключению о том, какого рода неприятности постигли сердце героя повествования.

³ т.е. – в общем случае

⁴ в тесном ряду с «безпокойством».

⁵ В переводе К.Д. Бальмонта, речь идет о чем-то в роде «печальной мысли» (см. п. 03.3).

попытаться представить себе, например, ум в состоянии коагуляции или кристаллизации (43), всё же ограничимся констатацией случая (32) из таблицы переводческих практик. Между тем, как показал опрос студентов-лингвистов, введенная в текст перевода М. Энгельгардтом запоминающаяся «безотрадная пустота в мыслях» в данном случае/контексте не поддается *релевантному* вразумительному толкованию (клетка 42). Она почему-то ассоциируется у современного читателя с нерелевантной повествованию «легкомысленностью».

б. С другой стороны такие отклонения от Буквы оригинала как «ноющая», «сосущая боль» (случай 23) вместо, например, «ледяной», «колющей» или какой-либо еще другой, могут оцениваться как *некритичные*. Основанием к чему могла бы послужить апелляция к *мета-метасмыслу* и одновременно «культурному концепту» «Меланхолия» (как *болезнь-к-Смерти*, и как осознанная в модусе отчаяния, в тревогах, страхе и тоске конечность индивидуального бытия).

Конкретный соматический характер мнимой или реальной сердечной боли, как представляется в свете *теории мета-смыслов* (см. Богин 1986: 75), не имеет решающего значения для ипохондрического синдрома. Сама же ипохондрия как «чрезмерное внимание к своему здоровью, страх заболеть неизлечимой болезнью (проявляющиеся в различных формах: от некоторой мнительности до бредовой убежденности в наличии болезни)» может рассматриваться и как *мета-смысл* болевого симптома и как компонента *метамета-смысла* «Меланхолия». (Кстати, в отличие от исследованных нами ранее переводов на другие европейские языки⁶, ни в одном из упомянутых выше переводов на русский “the melancholy House of Usher” не обозначен как «меланхолический».) Она упоминается в переводном тексте лишь вскользь и только один раз в суженном значении – в отношении *печали* Эшера по утраченной сестре: «Прошло нѣсколько дней, и мы оба — ни я, ни Эшеръ — ни разу не упоминали ея имени; въ теченіи этихъ дней я ревностно пытался разсѣять *меланхолію*⁷ моего друга» (перевод К.Д. Бальмонта). Следовательно, Меланхолия присутствует в переводах на русский по сути *incognito*.

⁶ Конкретнее – переводов на французский (хронологически первый), немецкий (в лучшем переводе – Поля Целана), датский, итальянский и испанский языки (Богатырёв 2001: 143-146).

⁷ «Я всеми силами старался рассеять *тоску* (23b) моего друга» (По 2008: 94, Перевод М. Энгельгардта); «... старался хоть немного рассеять *печаль* друга» (Перевод Н. Галь).

Между тем, гипотеза о Меланхолии как главном герое повествования многое объясняет – греховность Родерика Эшера, его планиду, его страхи, его ипохондрию и неизбежный катастрофический финал. Повествование в новелле Поэ (особенно в области *imagery* – образного ряда) точно следует описаниям меланхолического синдрома в «Анатомии Меланхолии» Роберта Бертон: образы подземелья, родового недуга, обостренной чувствительности, болезненного нервного возбуждения, навязчивые идеи и пр. Склеп, подземелье ночь, темнота вызывают меланхолию. “The night and darkness makes men sad, the like do all subterranean vaults, dark houses in caves and rocks,..” (Robert Burton).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богин Г.И. Типология понимания текста. – Калинин, 1986. - 86с.
- Burton Robert. The Anatomy of Melancholy etc. ... The Sixth Edition, corrected and augmented by the Author. – London: Printed & to be sold by Hen. Crips & Lodo Lloyd at their shop in Popes-head Alley. – 1652. – 1111p.
- Богатырёв А.А. Выпадение, сохранение и компенсация конструкторов понимания текста (статья) // Понимание и рефлексия. Материалы III Тверской герменевтической конференции. – Часть II. – Тверь, 1993. – С.27-30.
- Богатырёв А.А. Понимание художественного текста и стилевое своеобразие перевода (на материале переводов «Ворона» Эдгара По) // Стил (Международный журнал). – Бањалука – Београд (Сербия), 2004. – С. 413-421.
- Богатырёв А.А. Схемы и форматы индивидуации интенционального начала беллетристического текста. Монография. – Тверь: ТвГУ, 2001. – 197с.
- Богатырёв А.А. Эвфонический код в “черных” рассказах Э.По // Исследования по художественному тексту: Материалы III Саратовских чтений по художественному тексту. Июнь 1994. – Саратов, 1994. – Ч.II. – С.8-10.
- Гроссман Дж.Д. Эдгар По в России. – СПб.: Академ. проект, 1998. – 201с.
- Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Культура и текст: введение в лакунологию: учебное пособие. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2008. – 144с. ISBN 978-5-9704-0563-5
- Христианство: Словарь: слова и выражения на английском, французском, латинском, немецком, испанском, итальянском, русском языках / Сост. Н.Н. Поташинская. – М.: Международные отношения, 2001. – 560с.
- Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: “За и против”. – М.: Прогресс, 1975. – С. 193-230.

Поэ Эдгар:

- По Э. Падение дома Ашеро́в / Пер. с англ. Н. Галь // Падение дома Ашеро́в: Рассказы. М.: Юрид. лит., 1990. – С.188-202.
- По Э.А. Гибель дома Ушеръ // Собрание сочинений Эдгара Алана По. – С.-Петербургъ. Тип. Т-ва Общественная Польза; Б. Подъяч, 39. – 1913. – С.7.
- По Э.А. Падение дома Ашеро́в / Пер. с англ. В.В. Рогова // Собрание рассказов. М.: МШК МАДРП., 1992. – Кн. 1. – С. 204-210.
- По Э.А. Падение дома Эшеро́в / Пер. М. Энгельгардта // По Эдгар А. Золотой жук: Рассказы, повесть, стихотворения. Комментар. М. Беккер. – М.: Эксмо, 2008. – С. 88-103.
- Поэ Э. Падение Дома Эшеръ // Собрание сочинений Эдгара Поэ в переводе с английского К.Д. Бальмонта. – Том первый. Поэмы, сказки. – М.: Книгоиздательство «Скорпион», 1901. – 328с.